

Научная статья

УДК 398.8(811.512.156)

doi: 10.17223/22220836/51/18

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ОВЮРСКИХ ТУВИНЦЕВ

Екатерина Леонидовна Тирон

*Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск,
Россия, krupich_katja@mail.ru*

Аннотация. В фольклористике и этномузыковедении колыбельная традиция тувинцев является одной из малоизученных. Опубликованных текстов и нот крайне недостаточно для полного представления данного жанра. Статья посвящена характеристике колыбельных южных тувинцев. Материалом для исследования являются полевые записи, сделанные в 2009 г. в ходе экспедиции в Овюрский район. Автор выделяет три группы колыбельных: мелодические речитации, колыбельные песенного типа и авторские колыбельные.

Ключевые слова: этномузыкология, Тува, тувинцы, колыбельные, народные песни

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «Песенная традиция овюрских тувинцев XXI в. в условиях сельско-городской миграции» за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01475.

Для цитирования: Тирон Е.Л. Колыбельные овюрских тувинцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 51. С. 211–224. doi: 10.17223/22220836/51/18

Original article

LULLABIES OF OYURSKY TUVINIANS

Ekaterina L. Tiron

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian
Federation, krupich_katja@mail.ru*

Abstract. The lullaby tradition is one of the little-studied areas of Tuvan children's musical folklore. Publications of texts of lullabies of Tuvans, as well as descriptions of their poetics, are available in the works by Ch. Kuular, Ch. Kara-ool, A. Aksenov, Z. Kyrgyz, E. Tiron. Musical publications of lullaby tunes are quite rare: A. Aksenov – 2, Z. Kyrgyz – 11, E. Tiron – 7 samples. The relevance of research and publication of texts and notes of lullabies of Tuvans is undoubted. The purpose of this study is to characterize the lullaby tradition of one of the local groups of southern Tuvans living in the Ovyursky district of Tuva. The study material are 19 samples recorded in 2009.

The author distinguishes three groups of lullabies: melodic recitations, song-type lullabies, and author's lullabies. Rather rare performance of traditional samples of cradling lullabies and frequent performance of lullabies of the song type is noted. Lullabies of the song type in Ovyursky district are performed to one typical tune, widely spread in Tuva and often combined with the text by S. Saryg-ool. In the tradition of the Ovyur Tuvans, this chant is also performed with both traditional and original texts. Both groups of lullabies are characterized by the use of cradling words opey, uvey, uvay and their derivatives, as well as affectionate appeals to the child. However, the cradling can be built solely on such words, while the lyrics are more developed in poetic terms.

Lullabies are created at the moment of performance, improvised until the child falls asleep. This explains the lack of equisyllabic verses, a freer composition (although sometimes there is a tendency to two-line stanzas), the predominance of gradual movement of the melody and repetitions of sounds. Song lullabies are similar in form to folk songs of Tuvans. The

samples performed with the author's text have the most stable composition. When using a typical tune with a traditional text, the composition of the song can be significantly loosened and the form is close to cradling. Two-line structures begin to dominate, and chorus inserts may appear.

The relationship between the two groups of lullabies is shown in a single e-G-A-h-cis2 sound, which apparently distinguishes this genre sphere with tritonic and whole-tone intonations. Let us remark here that in songs of the kozhamyk genre, there is also a mood with cs2, but the upper stage performs an optional function.

Among the author's lullabies among Ovyur Tuvans recorded are "Opey yry" by A. Chyrgalool and "Avam" by S. Badyraa. These songs are stylistically a completely different sphere of musical creativity compared to traditional cradlings and songs. In connection with the growth of amateurs' activity in the XX century they are becoming more and more important among Tuvans and are gradually replacing the musical folklore.

Keywords: ethnomusicology, Tuva, Tuvinians, lullaby, folk songs

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the project "The song tradition of the Ovyur Tuvinians of the XXI century in the conditions of rural-urban migration" at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-01475.

For citation: Tiron, E.L. (2023) Lullabies of ovyursky tuvinians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 51. pp. 211–224. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/51/18

Колыбельная традиция является одной из малоизученных сфер тувинского детского музыкального фольклора. Среди филологических работ, посвященных данному жанру, отметим статью Ч.Ч. Куулара «О поэзии пестования в тувинском фольклоре» [1]. В ней исследователь описывает поэтику колыбельных песен. Он отмечает монотонность ритмики, обязательность присутствия созвучных междометий или изобразительных слов (например, *өпей, оой; канай-канай, оой; увай-увай, увайаң*), роль аллитераций и ассонансов (в частности, частое употребление сонорных *й* и *м* во внутренней и конечной рифме), повторов и синонимов с созвучными окончаниями. Скудность поэтического текста колыбельных песен тувинцев Китая отмечает Ж.М. Юша: «...при исполнении колыбельных песен во многих случаях поются только звукоподражательные слова «*өвей-өвей*», в единичных случаях сохраняется минимум поэтического текста» [2. С. 96].

В последнее десятилетие изучением темы детского фольклора тувинцев занимается культуролог Ч.А. Кара-оол, основываясь в том числе и на собственных полевых материалах из Кызыльского района Тувы [3, 4]. Исследователь отмечает моделирование будущей деятельности ребенка в текстах колыбельных песен, присутствие некрасивых названий детей в качестве магической защиты от злых духов. Ч.А. Кара-оол впервые пишет об исполнении колыбельных для детей внутриутробного периода развития. В своих статьях собиратель приводит тексты четырех колыбельных песен. Ею раскрывается смысловое наполнение слова *өпей*, употребляющегося в качестве второго имени, «когда взрослые обращаются к ребенку с ласкательными словами, они звучат так: „*өпея*“, „*өпеяшка*“ (*маленький, маленькая*), также встречаются в детских кличках: „*Өпей-оол*“ (*Маленький мальчик*), „*Өпей-кыс*“ (*Маленькая девочка*)» [4. С. 62].

Основной вклад в эту тему был сделан музыковедами А.Н. Аксеновым и З.К. Кыргыс. Исследователи различают два жанра колыбельных: мелодические речитации *уруг өпейлээр* и песни *өпей ыры*, жанровые признаки которых

могут смешиваться. Мелодические речитации родственны скотоводческим заговорам и шаманским напевам, колыбельные песни – песенным жанрам *ырлар* и *кожамыктар*. Кроме того, выделяется разновидность мужских колыбельных, исполняющихся горловым пением *өпөй хөөмөй* [8].

Нотных публикаций колыбельных песен тувинцев и характеристики их музыкальной составляющей в научной литературе крайне недостаточно. В монографии «Тувинская народная музыка» (1964) А.Н. Аксенов опубликовал два напева колыбельных мелодических речитаций *уруг өпөйлээр*, записанных в 1945 г. от писателя С.А. Сарыг-оола и в 1954 г. от драматурга В.Ш. Кок-оола [5. С. 22]. В нотном разделе песен «О новой жизни» музыковед приводит колыбельную песню *өпөй ыры* на текст С.А. Сарыг-оола, записанную в 1955 г. от артистов К.К. и М.М. Мунзук [Там же. С. 138–140].

Тувинским этномузыковедом З.К. Кыргыз опубликовано 11 напевов колыбельных, собранных у тувинцев Дзун-Хемчикского и Сут-Хольского районов: в 1973 г. – 3 образца колыбельных, в 1992 г. – 7 образцов (3 из них повторно), в 2002 г. – 7 образцов (4 повторно), в 2005 г. – 1 образец (повторно), в 2015 г. – 3 образца (2 повторно) [1. С. 109, 111; 6. С. 105–108; 7. С. 84–85, 185–189; 8. С. 29; 9. С. 189–191].

Появление настоящей статьи обусловлено актуальностью исследования колыбельной традиции тувинцев в локальном аспекте, введением в научный оборот новых полевых материалов XXI в., представляющих современное состояние фольклора Тувы. Богатство терминологии, относящейся к колыбельной традиции тувинцев Сут-Хольского, Бай-Тайгинского, Овюрского, Эрзинского, Тес-Хемского, Тере-Хольского, Тоджинского районов, ранее выявлено на материале экспедиций Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН [10–13] и проанализировано нами в статье [14]. Отметим лишь, что на материале из Бай-Тайгинского и Тере-Хольского районов нами выявлен еще один прием интонирования колыбельных – *дылын булган өпөйлээр* ‘болтая языком убаюкивать’, по научной классификации В.В. Мазепуса – билатеральный лабиолингвальный тремолирующий сонант [15]. З.Б. Самдан и Г.Б. Сыченко зафиксировано также, что в тувинской традиции колыбельные могут исполняться и в контексте нарратива – мифа или анекдота [16, 17].

Ранее нами были подробно проанализированы колыбельные тоджинских и бай-тайгинских тувинцев, представляющие восточную и западную традиции, и опубликованы их тексты и нотировки [14, 18]. Имеется также публикация о тувинских колыбельных обобщающего характера [19]. В настоящей статье обратимся к колыбельным южной традиции на материале фольклорно-этнографической экспедиции 2009 г., проходившей в Овюрском районе Тувы (участники: Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол, М.М. Бадырты) [20]¹. К исследованию привлекаются 19 образцов, записанных от 18 жителей с. Хандагайты, Саглы, Дус-Даг, Чаа-Суур и Ак-Чыраа, м. Мугур-Бажы.

В рассматриваемом массиве колыбельных выделяются три группы: мелодические речитации (2 образца), колыбельные песенного типа, исполненные на один типовой напев (13 образцов), и авторские колыбельные (4 образца).

Образцы колыбельных первого – речитационного типа, исполненные А.М. Чысынаа и К.-К.Д. Донгак, определены носителями традиции как

¹ Экспедиция проводилась в рамках проекта «Сибирская этномузыкологическая экспедиция», поддержанного грантом РГНФ (№ 09-04-18020е).

өпөйлээн уругларын ‘колыбельное укачивание’ и өпей ыры ‘колыбельная песня’. Поэтический текст өпөйлээн уругларын А.М. Чысынаа содержит четыре двустишия-строфы, в каждом из которых благодаря повтору традиционных для данного жанра слов өпей, үвей, увай¹ и снова үвей и их производных өпейлейн, үвейлейн и увайлейн создается благозвучная аллитерация первых двух слогов начал всех сегментов стихов и конечная рифма всех стихов (см. нотный пример 1). Кроме слов убаюкивания встречаются два слова-обращения сарым ‘милая’, уруум ‘дитяtko мое’ и слово-побуждение удуп көрем ‘усни-ка’. Каждое двустишие (строфа) исполняется на одном дыхании и продолжается от 6,4 до 7,0 с. Темп колыбельной умеренный – около 90 четвертей в минуту.

Өпей-өпей, өпейлейн!

Өпейлейн, өпейлейн, өпейлейн!

Үвейлейн, үвейлейн!

Үвей сарым, үвейлейн!

Увай-увай, увайлейн!

Увайлейн, увайлейн!

Удуп көрем, уруум, үвейлейн!

Үвейлейн, үвейлейн!

Өпей-өпей, побаюкаю я!

Побаюкаю, побаюкаю, побаюкаю!

Побаюкаю, побаюкаю я!

Увей, моя милая, побаюкаю я!

Увай-увай, побаюкаю я!

Побаюкаю, побаюкаю я!

Усни-ка, дитяtko мое, побаюкаю я!

Побаюкаю, побаюкаю я!

Нотный пример 1. Өпөйлээн уругларын ‘Колыбельное укачивание’

Musical example 1. Rocking lullabies

Каждый стих укачивания состоит из двух или трех сегментов, границы которых определяет словораздел. Преобладают трехсложные сегменты (их 13), реализуемые словами өпейлейн, үвейлейн и увайлейн. Четырехсложные сегмен-

¹ Слова үвей, увай являются эхо-редупликацией звукоподражательного слова өпей. По смысловому содержанию все они являются аналогами русских слов ‘бай-бай’. Кроме того, слова үвей и увай могут исполняться горловым пением в композициях, не связанных с ситуацией убаюкивания ребенка.

ты появляются реже и исключительно в начале стиха. Они соответствуют повторным словам убаюкивания *опей-опей, увай-увай* и словам обращения к ребенку: *увей сарым* и *удуп керем*. Однократно встретился двусложный сегмент, также основанный на обращении к ребенку: *уруум*. Стихи включают шесть (3 стиха), семь (3 стиха) или девять слогов (2 стиха). Шести- и семисложные стихи, по всей видимости, первичны, а девятисложные производны от них. Так, второй стих удлиняется за счет появления третьего сегмента, являющегося вариантным повторением второго, а седьмой стих расширен двухсложным средним сегментом, который можно также рассматривать как удлинение начального сегмента текстовой вставкой слова-обращения. Таким образом, основными для данного образца колыбельного укачивания являются двухсегментные стихи, а трехсегментные производны. Равносложность и какая-либо закономерность появления той или иной продолжительности стиха отсутствуют, что обусловлено импровизационной природой жанра.

На уровне музыкального ритма наблюдается относительное выравнивание сегментов по типу временника, однако с одной отличительной особенностью. Дело в том, что длинные элементы могут соответствовать двум коротким (5 случаев), а могут растягиваться до четырех (4 случая), трех (2 случая) или пяти (1 случай) коротких времен. Это связано с появлением распевов в мелодии и / или конечнострофовых пауз. Распевы приходятся исключительно на конец сегментов. В основном это мордентообразные распевы с затрагиванием верхней ступени (лишь один раз появляется в данном качестве нижняя ступень). В шестом стихе имеется нисходящий скачкообразный распев слога на тритоне cis^2-g , в данном случае появление g является вспомогательным звуком к a , следующему за ним¹.

В мелодии речитации преобладает поступенное движение и повтор, скачки даже через одну ступень – редкое, но яркое явление. Они могут возникать внутри сегментов (см. 1, 3, 5, 6-й стихи) и между ними (см. 2-й, 7-й стихи). Восходящие скачки всегда появляются в начале сегментов, а нисходящие – в середине или на границе сегментов.

Ладовая организация мелодии основана на 5-ступенном звукоряде: *e-G-a-h-cis*. Целотоновая последовательность четырех ступеней звукоряда является основой мелодического движения, нижняя субтерция появляется только дважды и только в начале сегментов. В последней мелостроке субтерция реализуется как вспомогательная субсекунда к конечному тону. Крайние звуки основного тетра хорда *g-cis* имеют яркую тритоновую окраску.

В мелодическом плане повторности песенных строф не наблюдается, главенствует импровизация. Мелодия каждой строфы уравновешенная, имеет плавный волнообразный рисунок, нисходящий к основному конечному тону G от звуков cis или h , которые появляются, как правило, на вторых слогах начальных сегментов.

Опей ыры К.-К.Д. Донгак, как и первый образец колыбельной речитации, основана на повторении слов баюкания *опей-опей* (6 раз), *опей* (2 раза), *опей-лейн* (1 раз), *опейлейн-увейлейн* (1 раз), ласкательных обращений *сарым* ‘милая моя’, *уруум* ‘дитяtko мое’, *чарашпайым* ‘красавица моя’, *чассыгбайым* ‘ласковая моя’ и просьбы *удуй берем* ‘усни-ка’ (см. нотный пример 2).

¹ Здесь и далее дается в транспонированном виде в тональность G .

1 $\text{♩} = 134$ 5,9
Ө - пей - ө - пей, ө - пей, са - рыым, оой!

2 6,3
Ө - пей - ө - пей, оой, у - дуй бе-рем, у-руум!

3 5,8
Ө - пей - ө - пей, 4 ө - пей - лей - н - ү - вей - лейн! 3,4
Ө - пей - ө - пей, оой!

5 3,4
Ч а - раш - па - йым, оой!

6 3,5
Ч ас - сыг - ба - йым, 3 оой!

7 3,4
Ө - пей - ө - пей, 8 ө - пей - ө - пей, 4,3
ө - пей - ле - йн, оой!

9 6,0
У - дуй бе - рем, оой, ө - пей, у-руум!

Өпей-өпей, өпей, сарыым, оой!
Өпей-өпей, оой, удуй берем, уруум!

Өпей-өпей, өпейлейн-үвейлейн!
Өпей-өпей, оо!

Чарашпайым, оой!
Чассыгбайым, оой!

Өпей-өпей, өпей-өпей!
Өпейлейн, оой!

Удуй берем, оой, өпей, уруум!

Опей-опей, опей, милая моя, ой!
Опей-опей, ой, усни-ка, дитятко мое!

Опей-опей, побаяюкаю-побаяюкаю я!
Опей-опей, о!

Красавица моя, ой!
Ласковая моя, ой!

Опей-опей, опей-опей!
Побаяюкаю я, ой!

Усни-ка, ой, опей, дитятко мое!

Нотный пример 2. Опей ыры 'Колыбельная песня'

Musical example 2. Lullaby songs

Композиция колыбельной построена довольно свободно и основана на нанизывании четырехсложных (иногда трехсложных) сегментов, в конце половины из которых появляются вставные односложные слова-междометия *оой*. Все сегменты по продолжительности занимают две четверти, включающей ритм ♪♪♪♪ при четырехсложности, либо ♪♪♪ при трехсложности. Вставные слоги *оой* могут распеваться от четверти до половинной, т.е. более они свободны по времени, чем основные сегменты. Темп исполнения укачивания более медленный по сравнению с первым образцом и составляет 134 восьмых в минуту.

Отметим, что если в первой строфе из четырех сегментов выбрано двустипное представление, то в последующих количество сегментов варьирует (3 или 2), их внутренние связи не выстраиваются в двустипия.

В первой строфе мелодия имеет вопросо-ответное строение, деление на два стиха совпадает с дыхательной паузой. Далее появляется припевная формула с трехсегментной структурой стиха, два последних сегмента которого в текстовом плане связаны редупликацией. Пятый и шестой стихи, укороченные по слоговому составу, построены на созвучных словах *чараипайым* и *чассыгбайым*. Седьмой стих аналогичен начальному, однако восьмой стих – вариант четвертого. Заключительный стих в текстовом плане вариантно повторяет второй. В мелодическом плане отмечается вариантная повторность начального сегмента 1-го стиха в 3-м и 7-м стихах, конечного сегмента 1-го во 2-м и 7-м стихах, конечного сегмента 2-го стиха в 3, 8 и 9-м стихах. Отметим, что повторность не имеет сквозной характер, а композиция появления сегментов имеет скорее произвольный, импровизационный порядок.

В ладовом отношении колыбельное укачивание К.-К.Д. Донгак подобно первому образцу, исполненному А.М. Чысынаа, однако с иным местоположением конечного тона: *e-g-A-h-cis*². Мелодия часто начинается с восходящего скачка (на сексту *e-cis*², на квинту *e-h*, на кварту *e-a*) и имеет рисунок нисходящей волны. Главенствуют поступенное движение и повторы. В последней строке восходящий скачок приходится на конец начального сегмента, благодаря чему меняется мелодический рисунок на восходящий, утверждающий уже появляющуюся в 5-м и 6-м стихах квартовую интонацию.

Перейдем к рассмотрению овюрских колыбельных второго, песенного типа, которых в нашей коллекции 13 образцов. Все они исполняются на один типовой напев, закрепившийся за данным жанром и распространенный в Туве повсеместно. Этот напев впервые был зафиксирован М.М. Мунзуком в 1938 г. в Чоон-Хемчикском районе с голоса К.-К.Д. Мунзук в сопровождении *бызаанчи* Ч. Менди [21. С. 204]. Выдающийся тувинский писатель С.А. Сарыг-оол наложил на эту мелодию свой авторский текст, который с течением времени закрепился за напевом. В нотных сборниках эта мелодия также публикуется вместе с текстом С.А. Сарыг-оола [5. С. 138–140; 21. С. 118–119; 22. С. 117–118; 23. С. 152–153]. З.К. Кыргыз также опубликован напев данной колыбельной, но с народным текстом [1. С. 109]. В тоджинской традиции также зафиксирована распространенность данного напева, исполняемого с текстом С.А. Сарыг-оола, кроме того, типовой напев колыбельной сочетается и с традиционными текстами, а авторский текст может исполняться на типовые напевы песен *кожамык*. У тере-хольских тувинцев записаны образцы типового напева колыбельной с традиционными текстами [12]. В материалах Бай-Тайгинской и Эрзинских экспедиций колыбельные на типовой напев с текстом С.А. Сарыг-оола отсутствуют [10, 14].

У овюрских тувинцев десять образцов из тринадцати исполнены с текстом С.А. Сарыг-оола, по-видимому, это связано с тем, что писатель – уроженец сумона Дус-Даг Овюрского кожуна. В большинстве случаев исполняются укороченные варианты авторского текста. Тексты семи колыбельных С.Э. Саая, Б.М. Куулар, А.М. Чысынаа, К.О. Ооржак, Д.Д. Монгуш, А.Т. Манайдары и А.Ч. Тюлюш включают четыре стиха, в конце четырех образцов добавляются текстовые вставки на словах укачивания и обращения к ребенку. Образцы текстов Д.-С.Ш. Натпит и З.О. Тюлюш еще более краткие и содержат только одно двустишие, что определяет наименьшую самостоятельную композиционную единицу данного напева. В мелодическом плане напев реализуется

также в границах двустушия. Образец в исполнении Г.Т. Аракчаа содержит более полный текст из записанных. Он включает четыре двустушия, вариантно повторяющие авторский текст начальных половин первого и второго четверостишия и полностью третье четверостишие¹ (см. нотный пример 3).



Опей-опей, ой, Ошкү-Саарым, ой!
 Өрү көрөм, ой, айнын чырымын, ээй!
 Тудуг кылган, ой, күжүр ачанды, ой!
 Турпандыр, ой, кээрге, сарым, ой!
 Ачанды туткан, ой, чараш туудун, ой!
 Алгыдар сен, ой, хөгжүдөр сен, ой!
 Аванцын мээни, ой, опей ырым, ой!
 Амырдыштың, ой, ыры болзун, ой!
 Опей-опей, ой, удуп көрөм, ой!

Опей-опей, ой, Ошкү-Саар² мой, ой!
 Взгляни-ка наверх, ой, какой ясный месяц, эй!
 Строивший дом, ой, бедный отец твой, ой!
 Устал, оказывается, ой, пожалей, милый, ой!
 Построенное отцом твоим, ой, красивое здание, ой!
 Расширишь ты, ой, разовьешь ты, ой!
 Матери твоей моя, ой, колыбельная песня, ой!
 Покоя-отдыха, ой, песней пусть будет, ой!
 Опей-опей, ой, усни-ка, ой!

Нотный пример 3. Опей ыры 'Колыбельная песня'

Musical example 3. Lullaby songs

В поэтическом тексте С.А. Сарыг-оола каждый стих 8-сложный, состоит из двух полустушия, образующих структуру 4+4. После каждого полустушия обязательно возникают распевы на слоги *оой* или *ээй*, расширяющие стих до

¹ Авторский текст С.А. Сарыг-оола содержит три четырехстрочных строфы, каждая из которых объединена начальной рифмой.

² В данном случае Ошкү-Саарым можно определить как имя собственное или как прозвище, дословно 'козу доящая моя'.

10 слогов. Если мы обратимся к традиционным колыбельным речитациям, то увидим сходные, однако не такие регулярные, как в песне, вставки. Четырех-сложная структура сегментов также встречалась в жанре укачиваний. Регулярность же 8-сложных стихов и четырехстишная композиция строфы, объединенной аллитерацией, – признаки, характерные для песенных жанров *ыр* и *кожамык*.

М.М. Куулар исполнила колыбельную на типовой напев колыбельной с традиционным текстом (см. нотный пример 4). В тексте бабушка выражает озабоченность отсутствием коня и обуви у новорожденной внучки. К типовой двухстишной строфе напева присоединяется припев на слова баюкания: «*Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!*». В третьей строфе наблюдается расширение структуры за счет мелодического повтора начальной строки. Интересно обыгрывается ладовая сторона напева. Так, в строфе мелодия строится на 4 звуках: *e-A-h-cis*, а в припеве ярко обыгрывается целотоновый лад *G-a-h-cis*.

Өпей-өпей, оой, Өшкү-Саарым, оой!
Увай-увай, оой, уйнок кызым, оой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Авазынын, оой, чассыг уруу, оой!
Аьт чокка, оой, чүнү мунар, оой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Иезинин, оой, ийи айлыг, оой!
Иштинейден, оой, үнген кызы, оой!
Идик чокка, оой, чүнү кедер, оой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Өпей-өпей, ой, Ошкү-Саар мой, ой!
Увай-увай, ой, внучка моя, ой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Матери, ой, ласковое дитя, ой!
Без коня, ой, на чем будет ездить, ой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Матери, ой, двухмесячная, ой!
Из животика, ой, вышедшая девочка, ой!
Без обуви, ой, что же будет носить, ой!
Өпей-өпей, өпей-өпей, өпейляң!

Нотный пример 4. Өпей ыры 'Колыбельная песня'

Musical example 4. Lullaby songs

На этот же типовой напев А.Т. Манайдары исполнена колыбельная песня, текст которой относится к жанру сиротских песен *өскүстүң ырызы*. Вариант этого текста (без мелодии) зафиксирован от С.У. Монгуш в 1976 г. в Дзун-Хемчикском районе и опубликован З.К. Кыргыз [9. С. 208]. В комментариях исследователь пишет: «...сироту, испытавшую горечь жизни, насильно выдают замуж за феодала... Песня полна грусти, связанной с расставанием с родным очагом и предстоящей жизнью» [9. С. 344].

1 $\text{♩} = 136$ 8,0
 2 $\text{♩} = 136$ 7,7
 3 $\text{♩} = 136$ 7,0
 4 $\text{♩} = 136$ 6,5

Ө - лү бээр - ге, оой, ба - за кон - чуг, оой!
 Ө - зен чер - ге, оой, ок - тап - ла - тар, оой!
 Ө - зе бээр - ге, оой, ба - за кон - чуг, оой!
 Өс - ке чон - че, оой, бе - рип - ле - тер, оой!

Өлү бээрге, оой, база кончуг, оой!
 Өзен черге, оой, октаплатар, оой!
 Өзе бээрге, оой, база кончуг, оой!
 Өске чонче, оой, бериплетер, оой!

Когда умрешь, ой, тоже страшно, ой!
 В ложбину (таежную), ой, бросяй, ой!
 Когда вырастешь, ой, тоже страшно, ой!
 Чужому народу, ой, отдадут, ой!

Нотный пример 5. Өпей ыры ‘Колыбельная песня’

Musical example 5. Lullaby songs

Третья группа колыбельных представлена авторскими песнями, созданными тувинскими композиторами в советское время. Самой распространенной оказалась «*Өпей ыры*» А.Б. Чыргал-оола на стихи И.Ш. Медээчи [21. С. 200]. В материалах 2009 г. три образца этой песни, один из которых исполнен дуэтом. Записи сделаны в с. Хандагайты и Саглы. Следует отметить, что исполнители довольно свободно обходятся с авторским поэтическим текстом, переставляя строфы и полустрофы, пропуская части текста. Новых текстовых фрагментов нет, изредка появляются синонимичные замены слов. В музыкальном отношении все исполнители изменили авторский двухдольный метр на трехдольный, свободно относятся к распевам мелодии. Стихосложение песни А.Б. Чыргал-оола основано на чередовании 12-сложных и 8-сложных стихов, объединенных в четырехстишные строфы начальной рифмой. С ладовой точки зрения песня написана в *d-moll*, однако в мелодии отсутствуют II и VI ступени, что делает похожей ее интонации на попевки пентатонной природы.

Вторая авторская колыбельная песня – «Авам» С.И. Бадыраа на слова М.А. Рамазановой – так же, как и песня А.Б. Чыргал-оола, по музыкальной стилистике резко отличается от народных колыбельных песен [24. С. 14]. При исполнении изменяется ритмическая и мелодическая стороны песни, композиция сокращена до 1 куплета. Песня С.И. Бадыраа полностью построена на 12-сложных стихах, имеет куплетное строение, начальную рифму. В авторской редакции песня двухголосна, гармонизована в тональности *d-moll*.

Итак, материалы экспедиционных записей 2009 г. характеризуют современное состояние традиции исполнения колыбельных овюрских тувинцев. Отмечается довольно редкое исполнение традиционных образцов колыбельных укачиваний, близость к обрядовому фольклору которых проявляется в манере интонирования данного жанра. На лидирующие позиции выходит песенный тип колыбельной. При этом у овюрцев зафиксирован лишь один типовой напев колыбельных, на который исполняется как авторский текст С.А. Сарыг-оола, так и традиционные тексты. Для обеих групп колыбельных жанров характерно использование слов-укачиваний *өпей*, *увей*, *увай* и их производных, а также ласковых обращений к ребенку. Однако укачивание может быть построено исключительно на таких словах, в то время как тексты песен более развиты в поэтическом плане.

Колыбельные укачивания создаются в момент исполнения, импровизируются. Этим объясняется отсутствие равносложности стихов, более свободная композиция (хотя иногда отмечается тяготение к двухстишности строфы), преобладание поступенного движения мелодии и повторы звуков. Песенные колыбельные близки песням тувинцев по форме: 8-сложная базовая структура стиха; постоянное положение вставок на слоги *оой*, *эй* (в укачивании их появление случайное); четырехстишная строфа. Наиболее стабильна композиция образцов, исполненных с авторским текстом. В случае с использованием типового напева с традиционным текстом композиция песни может значительно расшатываться и приближаться по форме к укачиванию. В этом случае начинают доминировать двустишные структуры, могут появляться припевные вставки.

Родство двух групп колыбельных проявляется в едином звукоряде *e-G-A-h-cis*², по-видимому, выделяющему данную жанровую сферу. Отметим, что в песнях жанра *кожамык* также присутствует лад с *cis*², однако верхняя ступень, как правило, появляется в распевах. Иногда ее можно рассматривать как вариантную реализацию ступени *d*². В колыбельных же *cis*² – это равноправная по значению ступень. Тритоновая и целотоновая интонации ярко обыгрываются в мелодике колыбельных.

Авторские колыбельные песни по стилистике – совершенно иная сфера музыкального творчества. В связи с ростом самостоятельности в XX в. они приобретают все большее значение у тувинцев Овюра и постепенно вытесняют традиционный музыкальный фольклор.

Комментарии к нотным образцам:

1. *Өпейлээн уруглары* ‘Колыбельное укачивание’. Исп. Анна Мелбей-ооловна Чысынаа (род. в 1933 г. в с. Чаа-Суур Овюрского р-на). Зап. 19.09.2009 в с. Чаа-Суур Овюрского р-на Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол и М.М. Бадырғы (ПМА, А № III-132). Расшифровка и перевод поэтического текста выполнены А.В. Байыр-оол, нотировка – Е.Л. Тирон.

2. *Өпей ыры* ‘Колыбельная песня’. Исп. Кара-Кыс Доржуевна Донгак (род. в 1939 г. в с. Дус-Даг Овюрского р-на). Зап. 17.09.2009 в с. Дус-Даг Овюрского р-на Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол и М.М. Бадырғы (ПМА, А № III-033). Расшифровка и перевод поэтического текста выполнены А.В. Байыр-оол, нотировка – Е.Л. Тирон.

3. *Өпей ыры* ‘Колыбельная песня’ (вариант на текст С.А. Сарыг-оола). Исп. Галина Туматовна Аракчаа (род. в 1954 г. в м. Доргун около с. Ак-

Чыраа Овюрского р-на). Зап. 19.09.2009 в с. Ак-Чыраа Овюрского р-на Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол и М.М. Бадырғы (ПМА, А № V-013). Расшифровка и перевод поэтического текста выполнены А.В. Байыр-оол, нотировка – Е.Л. Тирон.

4. *Өпей ыры* 'Колыбельная песня'. Исп. Куулар Мария Мүнзүловна (род. в 1960 г. в с. Саглы Овюрского р-на). Зап. 13.09.2009 в с. Саглы Овюрского р-на Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол и М.М. Бадырғы (ПМА, А № I-053). Расшифровка и перевод поэтического текста выполнены А.В. Байыр-оол, нотировка – Е.Л. Тирон.

5. *Өпей ыры* 'Колыбельная песня'. Исп. Ангырбан Тюлюшевна Манайдары (род. в 1942 г. в с. Чаа-Суур Овюрского р-на). Зап. 19.09.2009 в с. Чаа-Суур Овюрского р-на Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол и М.М. Бадырғы (ПМА, А № IV-026). Расшифровка и перевод поэтического текста выполнены А.В. Байыр-оол, нотировка – Е.Л. Тирон.

Список источников

1. Куулар Ч.Ч. О поэзии пестования в тувинском фольклоре // Ученые записки. Вып. 16. / отв. ред. Ю.Л. Аранчын ; ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1973. С. 106–115.
2. Юша Ж.М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука, 2018. 400 с.
3. Кара-оол Ч.А. Детский фольклор периода младенчества в традиционной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. 2015. № 1. С. 130–135.
4. Кара-оол Ч.А. Материнская поэзия в детском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2015. № 2. С. 61–68.
5. Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. М. : Музыка, 1964. 254 с.
6. Кыргыс З.К. Песенная культура тувинского народа. Кызыл : Тув. кн. изд-во, 1992. 142 с.
7. Кыргыс З.К. Тувинское горловое пение: Этномузыковедческое исследование. Новосибирск : Наука, 2002. 236 с.
8. Кыргыс З.К. Тувинские колыбельные песни // Музыка и время. 2005. № 9. С. 28–30.
9. Кыргыс З.К. Тувинские народные песни и обрядовая поэзия. Кызыл : Изд. дом «Сибирская горница», 2015. 432 с.
10. Кан-оол А.Х. Колыбельные песни тувинцев Эрзинского кожууна // Колыбельные песни и сказки как педагогическая миниатюра народов мира: материалы XV Волковских этнопедагогических чтений. Кызыл : ИПО «Билиг» Ин-та развития нац. школы, 2019. С. 25–29.
11. Кондратьева Н.М., Новикова О.В. О результатах музыкально-этнографической экспедиции в Сут-Хольский район Республики Тыва // Народная культура Сибири : материалы XIV науч. семинара Сибирского рег. вузов. центра по фольклору. Омск, 2010. С. 75–80.
12. Монгуш У.О., Тирон Е.Л. Результаты экспедиции 2015 года в село Кунгуртуг Терехольского района Республики Тыва // Народная культура Сибири : материалы XXVI науч.-практ. семинара Сибирского рег. вузов. центра по фольклору. Омск, 2016. С. 81–90.
13. Сыченко Г.Б., Тирон Е.Л., Кан-оол А.Х. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в Республике Тыва (1997–2009 гг.) // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всерос. конгр. фольклористов: сб. докл. Т. 3. М., 2011. С. 281–299.
14. Тирон Е.Л. Колыбельные песни тувинцев Бай-Тайги // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 157–170.
15. Мазепус В.В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор. Комплексная текстология. М., 1998. С. 24–51.
16. Самдан З.Б. Мифологический сюжет о взаимодействии тувинской сказки и колыбельной песни как источник воспитания детей // Колыбельные песни и сказки как педагогическая миниатюра народов мира : материалы XV Волковских этнопедагогических чтений. Кызыл, 2019. С. 8–15.
17. Сыченко Г.Б. Анекдот о находчивой неверной жене: анализ сагайского и тоджинского вариантов // Языки и фольклор народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 107–116.
18. Тирон Е.Л. Колыбельные песни тувинцев-тоджинцев // Народная культура Сибири: материалы XVIII науч. семинара Сибирского рег. вузов. центра по фольклору. Омск, 2009. С. 140–145.

19. Тирон Е.Л. Колыбельные тувинцев: по экспедиционным материалам Новосибирской консерватории и Института филологии СО РАН // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (вып. 43). С. 22–31.
20. Тирон Е.Л., Кан-оол А.Х. О результатах фольклорно-этнографической экспедиции в Овюрский кожуун Республики Тыва // Народная культура Сибири: материалы XIX науч. семинара Сибирского рег. вузов. центра по фольклору. Омск, 2010. С. 75–80.
21. *Ырлар* (Песни) / сост. М.М. Мунзук, Ю.Ш. Кюнзегеш. Кызыл, 1956. 208 с. (на тув. яз.)
22. *Ырлажысылды: ырлар чыындызы* (Споемте: сборник песен) / сост. С.Б. Пюрбю. Кызыл, 1959. 246 с. (на тув. яз.)
23. *Тыва улустуң ырлары* (Тувинские народные песни) / сост. М.М. Мунзук, К.-К.Н. Мунзук. Кызыл, 1973. 216 с. (на тув. яз.)
24. *Бадыраа С.И.* Катап келбес: ырлар чыындызы (Вновь не возвратиться: сборник песен). Кызыл, 2009. 48 с. (на тув. яз.)

References

1. Kuular, Ch.Ch. (1973) O poezii pestovaniya v tuvinskom fol'klore [On the poetry of nurturing in Tuvan folklore]. *Uchenye zapiski*. 16. pp. 106–115.
2. Yusha, Zh.M. (2018) *Fol'klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale XXI veka. Struktura. Semantika. Pragmatika* [Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk: Nauka.
3. Kara-ool, Ch.A. (2015) Detskiy fol'klor perioda mladenchestva v traditsionnoy kul'ture tuvintsev [Children's folklore of the infancy period in the traditional culture of Tuvans]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 130–135.
4. Kara-ool, Ch.A. (2015) Materinskaya poeziya v detskom fol'klore [Mother's poetry in children's folklore]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 2. pp. 61–68.
5. Aksenov, A.K. (1964) *Tuvinskaya narodnaya muzyka* [Tuvan folk music]. Moscow: Muzyka.
6. Kyrgys, Z.K. (1992) *Pesennaya kul'tura tuvinskogo naroda* [Song culture of the Tuva people]. Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Kyrgys, Z.K. (2002) *Tuvinskoe gorlovoe penie: Etnomuzykovedcheskoe issledovanie* [Tuvan throat singing: An ethnomusicological study]. Novosibirsk: Nauka.
8. Kyrgys, Z.K. (2005) Tuvinskie kolybel'nye pesni [Tuvan lullaby songs]. *Muzyka i vremya*. 9. pp. 28–30.
9. Kyrgys, Z.K. (2015) *Tuvinskie narodnye pesni i obryadovaya poeziya* [Tuvan folk songs and ritual poetry]. Kyzyl: Sibirskaia gomnitsa.
10. Kan-ool, A.Kh. (2019) Kolybel'nye pesni tuvintsev Erzinskogo kozhuuna [Lullabies of Tuvans of Erzinsky kozhuun]. *Kolybel'nye pesni i skazki kak pedagogicheskaya miniatyura narodov mira* [Lullabies and tales as a pedagogical miniature of the peoples of the world]. Proc. of the 15th Volkov Ethnopedagogical Readings. Kyzyl: Bilig. pp. 25–29.
11. Kondratieva, N.M. & Novikova, O.V. (2005) O rezul'tatakh muzykal'no-etnograficheskoy ekspeditsii v Sut-Khol'skiy rayon Respubliki Tyva [On the results of the musical ethnographic expedition to the Sut-Khol district of the Republic of Tuva]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the 14th Seminar of the Siberian Regional High School Center for Folklore. Omsk. pp. 43–45.
12. Mongush, U.O. & Tiron E.L. (2016) Rezul'taty ekspeditsii 2015 goda v selo Kungurtug Tere-Khol'skogo rayona Respubliki Tyva [Results of an expedition in 2015 to the village Kungurtug of the Tere-Holsky district of the Republic of Tuva]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the 26th Seminar of the Siberian Regional High School Center for Folklore. Omsk. pp. 82–90.
13. Sychenko, G.B., Tiron, E.L. & Kan-ool, A.Kh. (2016) Rezul'taty polevykh i nauchnykh issledovaniy Novosibirskoy konservatorii v Respublike Tyva (1997–2009 gg.) [Results of field and scientific research of the Novosibirsk Conservatory in the Republic of Tuva (1997–2009)]. *Ot kongressa k kongressu* [From Congress to Congress]. Proc. of the 2nd All-Russian Congress of Folklorists. Vol. 3. Moscow.
14. Tiron, E.L. (2019) Lullabies of Tuvans of Bay-Tayga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 34. pp. 157–170. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/34/16
15. Mazepus, V.V. (1998) Artikulyatsionnaya klassifikatsiya i printsipy notatsii tembrov muzykal'nogo fol'klora [Articulation classification and principles of notation of timbres of musical folklore]. In: Alieva, A.I. (ed.) *Fol'klor. Kompleksnaya tekstologiya* [Folklore. Comprehensive Text Criticism]. Moscow: Nasledie. pp. 24–51.

16. Samdan, Z.B. (2019) Mifologicheskiy syuzhet o vzaimodeystvii tuvinskoy skazki i kolybel'noy pesni kak istochnik vospitaniya detey [Mythological motif about the interaction of Tuvan fairy tales and lullabies as a source of children's education]. *Kolybel'nye pesni i skazki kak pedagogicheskaya miniatyura narodov mira* [Lullabies and tales as a pedagogical miniature of the peoples of the world]. Proc. of the 15th Volkov Ethnopedagogical Readings. Kyzyl: Bilig. pp. 8–15.
17. Sychenko, G.B. (2016) Anekdot o nakhodchivoy nevernoy zhene: analiz sagayskogo i todzhinskogo variantov [The joke about smart faithless wife: An analysis of the Sagai and Toju variants]. *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri*. 2(31). pp. 107–116.
18. Tiron, E.L. (2009) Kolybel'nye pesni tuvintsev-todzhintsev [Lullaby songs of the Tuva-Tojus]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the 18th Seminar of the Siberian Regional High School Center for Folklore. Omsk. pp. 140–145.
19. Tiron, E.L. (2022) Kolybel'nye tuvintsev: po ekspeditsionnym materialam Novosibirskoy konservatorii i Instituta filologii SO RAN [Tuvan lullabies: based on expedition materials of the Novosibirsk Conservatory and the Institute of Philology of the SB RAS]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. 1(43), pp. 22–31.
20. Tiron, E.L. & Kan-ool, A.Kh. (2010) O rezul'tatakh fol'klorno-etnograficheskoy ekspeditsii v Ovyurskiy kozhuun Respubliki Tyva [On the results of the folklore ethnographic expedition to the Ovyur district of the Republic of Tuva]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia]. Proc. of the 19th Seminar of the Siberian Regional High School Center for Folklore. Omsk. pp. 75–80.
21. Munzuk, M.M. & Kyunzegesh, Yu.Sh. (ed.) (1956) *Yrlar* [Songs]. Kyzyl: [s.n.].
22. Pyurbyu, S.B. (ed.) (1959) *Yrlazhyyly: yrlar chyundyzy*. Kyzyl: [s.n.].
23. Munzuk, M.M. & Munzuk, K.-K.N. (eds) (1973) *Tyva ulustung yrlary* [Tuvan folk songs]. Kyzyl: [s.n.].
24. Badyraa, S.I. (2009) *Katap kelbes: yrlar chyundyzy* [Don't come back again]. Kyzyl: [s.n.].

Сведения об авторе:

Тирон Е.Л. – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: krupich_katja@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tiron E.L. – Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: krupich_katja@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.05.2022;
одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 05.08.2023.
The article was submitted 01.05.2022;
approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 05.08.2023.*